

Я буду ждать

Автор:

Вера и Марина Воробей

Я буду ждать

Вера и Марина Воробей

Первый роман

Спустя два месяца после разрыва с Игорем Галя Снегирева получает от него письмо по электронной почте. Неужели он надеется, что она простит его предательство? Девушка не хочет видеть его, да и Валентин, узнав от Гали о письме, начинает ревновать ее. А потом вообще ставит условие: Галя должна сделать выбор – или он, или Игорь. Девушке предстоит принять очень непростое решение.

Вера и Марина Воробей

Я буду ждать

1

Галина Снегирева получила по электронной почте письмо от Игоря. Он просил ее о встрече. Просил настойчиво и вместе с тем покаянно. Не обошелся Игорь и без загадок. Впрочем, Галя была уверена, что это всего лишь хитрость: Игорь хотел разбудить ее любопытство.

С тех пор как они расстались, прошло уже почти два месяца. И ни разу за все это время Игорь не напоминал о себе. И вдруг, когда она уже начала забывать и

свою обиду, и его самого, он присылает ей письмо. Вначале Галя хотела поделиться этой новостью с Валентином, но потом передумала, решив, что Валентин, скорее всего, поймет неправильно. В последнее время он что-то часто вспоминает об Игоре. Ни с того ни с сего вдруг пускается в рассуждения, будто бы сам с собой разговаривает: мол, понятное дело, Гале с ним, с Валентином, скучно, ведь он ни стихов сочинять не умеет, ни беседу умную поддержать, не то что Игорь. Или вдруг возьмет и бросит как бы невзначай: «Да, старую любовь забыть непросто!» В общем, хоть Валентин и не говорил прямо о своих чувствах, было понятно: он ревнует.

А ведь Галя решительно не давала к тому никаких поводов. Да, иногда ее взгляд становился грустным, отрешенным. И что скрывать? В такие минуты она действительно вспоминала Игоря, но воспоминания эти были мимолетными. Или же Гале просто хотелось, чтобы они были таковыми?

Вот уже в третий или четвертый раз она перечитывала короткое письмо Игоря, пытаюсь разгадать, почувствовать тайный смысл, скрытый между строк:

«Здравствуй, Галя. Наверное, ты очень удивишься, обнаружив в почте мое письмо. Возможно, даже не станешь его читать. Но если все-таки откроешь... Галя, я обращаюсь к тебе с просьбой, заранее смирившись с тем, что ты не захочешь пойти мне навстречу. А ведь именно об этом я и прошу тебя: о встрече. Прости за глупый каламбур. Мне очень нужно, просто необходимо увидеть тебя. Поверь, это очень важно. Вчера я был сражен наповал одной страшной для меня новостью. Тебя, Галь, это тоже касается. Самым прямым образом. И хотя говорят, что бумага стерпит все, я не хочу подвергать ее таким пыткам. Если можешь, ответь. Я буду ждать.

Игорь».

Такое вот письмо...

«Не пойду никуда и отвечать на письмо не стану», – уговаривала себя Снегирева, хотя в эту минуту уже знала наверняка, что и ответит, и пойдет.

– А вот и неправда! – вырвалось у нее вслух. – Сказала не пойду – значит, не пойду.

«Это он нарочно написал о какой-то страшной новости, – продолжала размышлять Снегирева. – Намекает, наверное, на ухудшение здоровья... На жалость давит и таким образом хочет меня в ловушку заманить. Не получится! – И тут же девушку начинали одолевать сомнения: – Но если речь идет о здоровье, то почему же тогда Игорь пишет, что меня это касается самым прямым образом? Или это все чистый блеф? Кто знает...»

Снегирева открыла новый документ, назвала его одной буквой «И», потом напечатала первое слово: «Привет». Подумала немного и стерла его. А затем быстро и уверенно застучала по клавишам:

«Здравствуй. Знаешь, Игорь, ты угадал: вначале я просто хотела уничтожить твое письмо, не читая. Но, как ты теперь понял, этого не произошло. Ты просишь меня о встрече и говоришь какими-то загадками. Надеюсь, не надо объяснять, что после всего, что между нами произошло, я не горю желанием видеться с тобой. Но если речь идет и впрямь о чем-то важном, если тебе, допустим, нужна моя помощь, тогда напиши об этом прямо. – Девушка немного подумала и допечатала: – Иначе ни о какой встрече не может быть и речи».

Перечитав предложение, она недовольно хмыкнула: что еще за рифма дурацкая! Встрече – речи... Она стерла все предложение и закончила письмо сухо и лаконично: «Жду разъяснений. Галя».

Не успела она выйти из Сети, как зазвонил телефон.

«Игорь!» – испуганно подумала Снегирева, продолжая сидеть у компьютера.

Казалось, каждый новый звонок звучал громче и настойчивей предыдущего. Девушка поднялась и медленно отправилась в большую комнату. Она нарочно шла медленно, надеясь, что звонки прекратятся.

«Восемь, девять, десять, одиннадцать», – считала про себя Снегирева, медленно подходя к телефону.

- Алло! - с замиранием сердца выдохнула она в трубку.

- Галь! - выкрикнули на том конце провода. - Привет! Никак до тебя дозвониться не могу...

- Привет, Валь, - с невероятным облегчением вздохнула она. - Я в Интернете была...

- Я так и подумал, - усмехнулся Валентин. - Если занято, значит, ты по Нету шарисься. Слушай, Галь, - сменил тон парень. - Тут такое дело... Я сегодня не смогу никуда пойти. Мама заболела.

- А что с ней? - с беспокойством поинтересовалась Галина.

- Не знаю даже... Пришла с работы бледная, на головную боль жаловалась. Насилу уговорил ее температуру измерить. Тридцать девять и пять, представляешь?

- Надо врача срочно вызвать, - посоветовала Снегирева.

- Это утром, - заметил Валентин. - Сейчас только «скорую» можно. Я предлагал, даже слушать не желает...

- Хочешь, я к тебе приеду? - с готовностью предложила девушка. - Приготовлю что-нибудь, в магазин сбегая?

- Приезжай, конечно, - не стал возражать Валентин. - Только еды в холодильнике навалом. Если хочешь, приезжай просто так. - И добавил: - Я буду очень рад.

Снегирева на секунду задумалась: сейчас ей просто необходимо отвлечься от своих мыслей, прогуляться по улице, поболтать о том о сем с Валентином. И потом, Ирина Антоновна - мама Валентина - всегда хорошо к ней относилась. Решено: Галя купит фруктов и соков, забежит в аптеку за аспирином и поедет навестить больную.

«Наверняка у них ничего этого нет: ни апельсинов с виноградом, ни соков, ни даже, возможно, аспирина», – рассуждала Галина. Она знала, что Валентин и его мама живут очень скромно, а ей на днях как раз выплатили гонорар за публикацию стихов в поэтическом журнале. Не ахти какие деньги, конечно, но на то, что она собиралась купить, вполне хватит. Восемьсот рублей как-никак! Можно даже купить еще коробку хороших конфет или торт. Галя вспомнила, как Ирина Антоновна как-то посетовала: «Обожаю сладкое! Но на мою бюджетную зарплату особо-то не разгуляешься, да и ни к чему мне это, с моей-то фигурой». Маму Валентина нельзя было назвать ни толстой, ни даже полной. Но, видимо, она, как многие женщины в ее возрасте, относилась к своей внешности чересчур придирчиво.

2

– Проходи! – Лицо Валентина сияло улыбкой. – Мы как раз ужинать садимся. Тебя вот ждали...

Из кухни умопомрачительно пахло выпечкой. Снегирева знала, что Ирина Антоновна очень вкусно готовит, особенно ей удавались всякие пироги. Но Гале показалось, что сейчас совсем неподходящее время для стряпни, учитывая, что у больной температура под сорок. Неужели это Валентин решил ее удивить?

Снегирева поставила на пол пакет с фруктами, вручила коробку с тортом Валентину.

– Ну как мама? – поинтересовалась она, прежде чем снять кроссовки.

Тут из кухни вышла сама Ирина Антоновна, в пестром фартуке, держа в руках рукавички-прихватки. Она совсем не выглядела больной, если бы не яркий румянец на щеках.

– Галочка, здравствуй, дорогая! – приветливо улыбнулась Ирина Антоновна. – А я, как узнала, что ты к нам в гости собираешься, решила твой любимый пирог с капустой испечь. Ты ведь не так часто у нас бываешь, – добавила она с легким сожалением в голосе.

– Я-то думала, вы в постели лежите с температурой, как все нормальные больные, а вы пироги с капустой печете! – возмутилась Снегирева.

– Вот и я ей то же самое говорю, – недовольно пробурчал Валентин.

– Ой! – Ирина Антоновна беззаботно махнула прихваткой. – Ненавижу в койке валяться... Подумаешь, температура подскочила! И потом, мне уже гораздо лучше, – заверила она, помолчала немного и, взглянув на сына, расплылась в счастливой улыбке: – А Валик мой не парень, а золото! Такой заботливый, внимательный...

– Мам! – сурово осек ее Валентин. – Прекрати.

Но женщина продолжала, махнув на сына рукой:

– Вот повезет кому-то! Таких парней сейчас днем с огнем не сыскать! Ты, Галочка, не теряйся, а то глазом моргнуть не успеешь, как уведут!

Снегирева улыбнулась в ответ. Она уже привыкла к таким намекам со стороны Ирины Антоновны, и, как ни странно, ее, в отличие от Валентина, они нисколько не смущали.

– Я буду начеку, Ирина Антоновна, обещаю, – засмеялась Галя, и тут из ее сумочки зазвучала энергичная мелодия.

– Терпеть не могу эти мобильные телефоны, – угрюмо прокомментировал Валентин, а Снегирева сделала вид, что не слышит его.

– Это эсэмэска, – безразлично бросила она, расстегивая молнию на сумочке.

С первого же слова она поняла, что сообщение пришло от Игоря: «Спасибо, что ответила. Большое спасибо. Я отправил тебе еще одно письмо. Пожалуйста, прочитай. Игорь».

Галина постаралась изобразить на лице полное безразличие, но, судя по реакции Валентина, ей это не удалось.

– От кого это? – спросил он, наблюдая за тем, как девушка отправляет телефон на место.

– Да ерунда, – попыталась отмахнуться она. – Гороскоп прислали, хотя я не заказывала...

– Врешь! – неожиданно вспыхнул Валентин.

– Валик! – вмешалась Ирина Антоновна. – Как тебе не стыдно! Каждая девушка имеет право на секреты.

– Да какие там секреты! – попыталась спасти положение Снегирева. – Вечно шлют что ни попадя... Вам, Ирина Антоновна, сейчас просто необходимы витамины. – Она резко сменила тему и направилась в кухню. – Тут фрукты, – стала выкладывать на стол из пакета, – сок... Валь, – крикнула она в прихожую, так как Валентин за ними не последовал, – неси сюда торт. Его нужно в холодильник поставить.

– Ну зачем это все? – сокрушенно всплеснула руками Ирина Антоновна. – Спасибо, конечно, огромное... Но не стоило, Галочка, так тратиться, честное слово, не стоило...

– Это «Киевский», – объявила Снегирева, забирая у Валентина большую круглую коробку. – Ваш любимый.

– «Киевский»! – не смогла скрыть радости Валина мама. – Галочка, а можно я попробую? – Она совсем по-детски наклонила голову набок. – Вот такусенький кусочек?

– Какие проблемы! – с готовностью откликнулась Галина и принялась развязывать коробку. – Для чего же я его притащила? Да! – Девушка с силой хлопнула себя по лбу. – Самое главное забыла! Я же вам еще купила аспирин шипучий с витамином С и поливитамины. Сказали, самые лучшие. Валь, принеси, пожалуйста, мою сумку.

Ни слова не говоря, Валентин развернулся и вышел из кухни.

– Что это с ним сегодня? – шепотом спросила Ирина Антоновна, втыкая нож в ломкий, похрустывающий орехами и безе торт.

– Не знаю, – пожала плечами Галина.

– Никогда бы не подумала, что он у меня такой ревнивый... Ой! Какая вкуснятина! – воскликнула Ирина Антоновна, слизывая с ножа сливочный крем. – А ты будешь, Галочка? Тебе отрезать?

Но ответить Снегирева не успела, потому что в следующую секунду в кухню ворвался возбужденный Валентин.

– Гороскоп, значит? – сверкая глазами, выкрикнул он, держа в руке маленькую серебристую трубку. – Зачем ты мне врешь? Я же знал, что это от него!

– Да как ты... – От возмущения Галина начала заикаться: – К-к-как ты п-п-посмел читать?

– Вот так и посмел! – криво ухмыльнулся он и швырнул телефон прямо на торт.

– Ты что это? – Ирина Антоновна подняла на сына изумленный взгляд, потом вытащила из торта весь перепачканный кремом телефон. – Вот ненормальный! Псих какой-то! – ругалась мама, обтирая телефон фартуком. – Возьми, Галочка, и спрячь куда-нибудь подальше от этого ненормального психа! Мы ужинать сегодня будем или как?

– Значит, ты его простила? – Валентин сверлил Снегиреву взглядом, не обращая внимания на мать. – Отвечай, простила?

– Никого я не прощала. – Девушка отвела глаза в сторону. – И не думала даже.

– Но ведь ты с ним переписываешься! После всего, что было! Да ты... Ты просто...

– Может, мы не станем выяснять отношения при маме? – попыталась прекратить бурную сцену Галина.

– Да я с тобой после этого вообще... – От возбуждения Валентин не мог найти нужных слов. – Вообще! Слышишь, ты? Ты давно уже мне врешь, я знаю! Мне все всегда врут!

Бросив на Галину виноватый взгляд, Ирина Антоновна вышла из кухни, но, прежде чем оставить сына наедине с девушкой, укоризненно воскликнула:

– Валентин, я прошу тебя!

– Хватит! – потребовала Галина. Теперь она почувствовала себя несколько увереннее. – Я тебе сейчас все объясню.

– Да пошла ты!.. – в сердцах выдохнул Валентин и пулей вылетел за дверь.

Вздыхнув, девушка окинула взглядом накрытый к ужину стол. С краю в круглой коробке возвышался порядком изуродованный торт. Внезапно она почувствовала едкий запах горелого теста и, нерешительно подойдя к плите, приоткрыла духовку. Так и есть: пирог с капустой сгорел. Она выключила газ.

Уже в прихожей, когда Галя одевалась, к ней вышла Ирина Антоновна.

– Не сердись на него, – дотронулась она до руки девушки. – Он у меня немного вспыльчивый... Зато отходит быстро, – улыбнулась она. – Ты позвони нам вечером, ладно? А я уж с ним поговорю, прочищу мозги... Может, заберешь тортик-то? Я отрежу кусочек, а остальное забирай!

– Да что вы! Я же вам принесла, – через силу улыбнулась Галина. – Выздоровливайте. Я пойду.

Уже на улице она полезла в сумку проверить, не забыла ли мобильный телефон. Обнаружив там упаковку шипучего аспирина с витамином С и коробочку поливитаминов, девушка какое-то время постояла, раздумывая, не вернуться ли ей, но потом чуть ли не бегом пустилась в сторону автобусной остановки. Новая встреча с Валентином не сулила ей ничего хорошего. Если их отношения не наладятся в ближайшее время, то она выберет момент, когда Валентина не будет дома, и занесет лекарство Ирине Антоновне.

Господи! Ну почему ей так не везет? В кои-то веки встретила нормального, можно даже сказать, отличного парня, да и тот оказался жутким ревнивцем. И как только Валентин догадался, что сообщение пришло от Игоря? И все же, что бы там ни было, он не имел права копаться в ее сумке и читать присланную ей эсэмэску! Не имел. И потом, этот хамский выпад... Никогда прежде Валентин не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне. Конечно, она готова простить ему и эту грубость, и даже то, что он без спросу залез к ней в сумку. Потому что на самом деле Валентин и вправду был редким по своим душевным качествам парнем. А сегодняшний инцидент – это что-то из ряда вон выходящее. Что же теперь будет? Неужели Валентин так и не захочет выслушать ее объяснения? Ведь вина Галины только в том и заключается, что она ответила на письмо Игоря. Не на письмо даже, а на настоящий призыв о помощи. Теперь Снегиревой казалось, что именно это и заключало в себе письмо Игоря – призыв о помощи.

3

По дороге домой она решила, что, войдя в квартиру, первым делом включит компьютер и прочитает его письмо. На самом деле, закрыв за собой дверь и разувшись, Галя отправилась в ванную.

«Как странно получается, – размышляла девушка, стоя под едва теплым душем. – Значит, посылать письма и эсэмэски Игорь не боится, а позвонить духу, наверное, не хватает... А может, прекратить это все? Вряд ли он отважится мне позвонить. Вот не стану отвечать на его письмо. И даже читать его не стану. И пусть все плавно сойдет на нет. А чему, собственно говоря, сходить на нет? – спрашивала себя Снегирева и сама же отвечала: – Нечему. Ни о каком возобновлении отношений не может быть и речи. А это его второе письмо... Так ведь я сама попросила дать разъяснения. Так и написала: „Жду разъяснений“. Вот Игорь их и дал... Нет, все-таки надо взглянуть, что там у него стряслось...»

Галина выключила душ, плотно закрутила краны. Она не стала вытираться, а лишь набросила на плечи белый махровый халат, запахнула его, завязала пояс и отправилась в комнату, к компьютеру.

Второе письмо оказалось чуть длиннее первого:

«Гая, спасибо за то, что ответила. Понимаю, тебе нужны разъяснения. Скажу лишь одно: вчера я встречался с профессором Силецким, и между нами состоялся серьезный, очень серьезный разговор. Думаю, ты уже поняла, о чем мы говорили. Но ведь я ничего не знал! Не хочу, чтобы ты считала меня последним мерзавцем. И так у тебя для этого достаточно оснований. Теперь ты понимаешь, почему я так настойчиво прошу тебя о встрече. И потом, знаешь, без тебя моя жизнь как-то потеряла смысл. Но не думай, я не такой осел, чтобы надеяться на твое прощение. Просто хочу вернуть тебе долг. Пожалуйста, давай встретимся. Я буду ждать. И.»

«Нет! Нет! Нет! – стучало в висках у девушки. – Не может быть! Ведь профессор обещал мне, он дал слово, что ни при каких обстоятельствах не скажет Игорю, откуда на самом деле взялись деньги на операцию! Что же заставило его нарушить слово?»

Тогда, примерно год назад, Снегиревой с помощью репортажа, снятого корреспондентами программы «Времечко», удалось раздобыть необходимую сумму. Впрочем, часть денег составляла премия, которую Галина получила за победу в поэтическом конкурсе. Конкурс был весьма своеобразный: его участники должны были писать исключительно на патриотическую тему. Снегирева так и назвала свою поэму – «Патриот». Неожиданно для нее самой поэма получилась искренней и в отдельных частях пронзительной, не говоря уже о ее художественных достоинствах. Впрочем, профессор Силецкий, помнится, даже не спросил тогда, откуда у столь юной девушки, еще школьницы, взялись такие деньги – пять тысяч долларов. Он лишь пообещал, что сделает все, чтобы операция прошла удачно. Впрочем, в этом и без его заверений Галина ни на миг не усомнилась бы. И еще профессор Силецкий дал честное слово, что не расскажет ни Игорю, ни его родителям, кто заплатил за операцию. Галине и сейчас не верилось, что профессор мог нарушить слово – таким порядочным и надежным человеком он ей тогда показался.

Но сомнений быть не могло: Игорю все стало известно. В своем втором письме он совершенно прозрачно намекал ей на это. Чего стоит одна только фраза: «Просто я хочу вернуть тебе долг!»! Какой такой долг? Никогда Игорь не брал у нее займы. Ясно, что он имеет в виду деньги, которые она заплатила за операцию. Нет, Галина должна встретиться с Игорем, пока он не натворил каких-нибудь глупостей. Теперь она просто обязана встретиться с ним, чтобы раз и навсегда закрыть эту тему, раз уж профессор так ее подставил.

Но что, что вынудило его сделать это? Неужели просто так взял и выболтал ее тайну? Год молчал и вдруг ни с того ни с сего проболтался? Нет, в это Галина поверить не могла. Вот, кстати, и еще один повод для встречи: расспросить у Игоря, как все происходило на самом деле.

Снегирева не знала, какие чувства сейчас преобладают в ее душе: злость ли на профессора, досада ли на то, что теперь Игорь знает ее тайну, или простое желание увидеться с ним. Все как-то перемешалось, перепуталось – и мысли, и чувства, – и девушка стояла у окна, уставившись в него невидящим взглядом, а компьютер работал в режиме связи с Интернетом.

Снегирева поняла, что не вышла из Сети, лишь когда подняла телефонную трубку. Выключив компьютер, она вернулась к телефону. Ощущая сильнейшее волнение, Галя принялась набирать номер Игоря. Пальцы предательски дрожали, в ушах стоял противный гул. Девушка положила трубку, так и не набрав номер, и прошла по комнате – до балкона и обратно к телефонному столику. Но не успела ее рука снова коснуться трубки, как аппарат ожил. От неожиданности Снегирева вздрогнула и снова подумала: «Игорь!» – но, как и в первый раз, это оказался Валентин. И почему-то Галина совсем не обрадовалась, услышав в трубке виноватые интонации его голоса:

– Галь... Слышь? Прости меня... Сам не знаю, что на меня нашло... Я не должен был читать это сообщение, и в сумку твою не имел права без спросу лезть, и говорить с тобой таким тоном тоже не должен был... Чувствую себя последним хамом. Прости меня, Галь...

– Хорошо, что ты позвонил, – немного помолчав, отозвалась Снегирева. – Я только что собиралась тебе звонить, – зачем-то соврала она. – Все по-идиотски вышло. Понимаешь, у Игоря какие-то проблемы, вот он и прислал мне письмо.

– Ты с ним уже говорила? – угрюмо поинтересовался Валентин.

– Пока нет, только на письмо ответила, но...

– Что «но»? – нетерпеливо перебил Валентин.

В его голосе явно проступили стальные нотки. Снегиревой так и представилось вмиг посуровевшее лицо Валентина.

– Но, видимо, придется позвонить. Понимаешь, тот доктор... Ну, помнишь, я рассказывала тебе... Ну, профессор Силецкий, который делал Игорю операцию...

– Ну, помню, конечно, – буркнул Валентин. – И что?

– Так вот он зачем-то все рассказал Игорю про деньги... – выпалила Снегирева, хотя еще секунду назад не собиралась откровенничать с Валентином на эту тему.

– И что? – все так же угрюмо повторил парень.

– И теперь Игорь собирается мне вернуть долг, – упавшим голосом проямлила Галина.

– А ты? – продолжал наступление ее собеседник.

– Я хочу ему сказать... по телефону, – поспешно добавила она, – что ничего возвращать мне не нужно.

Она понимала, что совершила ошибку, и теперь надо было срочно исправлять положение.

– И все? – недоверчиво спросил Валентин.

– Ну да, – тихо сказала Галя. – А что же еще?

– Ну-ну, – неопределенно протянул парень. – Впрочем, это твое дело. – Он неожиданно сменил тон. – Не собираюсь вмешиваться. Только знаешь... – Валентин немного помолчал, казалось, он решается на что-то важное. – Можно тебя кое о чем попросить?

– Конечно, – с готовностью проговорила девушка.

- Не ври мне, пожалуйста. Никогда не ври...

- Я и не собиралась, - несколько растерялась Снегирева.

Только что она сделала то, что Валентин просил ее не делать.

- А встречаться с Игорем ты не планируешь? - Он все-таки решился на прямой вопрос.

- Нет, - обманула Снегирева и добавила для убедительности: - Много чести ему будет.

- Если хочешь, я могу вместо тебя позвонить, - потеплевшим голосом предложил Валентин. - Мне нетрудно.

- Не стоит, - мягко отклонила его предложение Галина. - Я сама. Давай завтра сходим куда-нибудь? - Она попыталась сменить тему.

- Давай, - после некоторой паузы откликнулся Валентин. - Если, конечно, маме станет легче...

- Как она? - спросила Снегирева, радуясь в душе, что ее маленькая хитрость удалась.

- Да ничего... Все сокрушалась, каким я у нее, оказывается, грубияном вырос. Так разнервничалась, что даже давление подскочило.

- Ой! - вскрикнула Снегирева. - Представляешь, я так и утащила с собой лекарства и витамины, которые ей купила.

- Ничего, - хмыкнул Валентин. - В следующий раз отдашь. Она, представляешь, два огромных куска торта слопала! Может, от этого и подскочило давление?

- Да ну, ерунда, - возразила Снегирева.

Она чувствовала, как с каждой секундой разговор с Валентином все больше ее тяготит. Девушка едва справлялась с почти непреодолимым желанием положить трубку и злилась на себя за это, но ничего поделать с собой не могла. Наконец она не выдержала:

– Ой! Кто-то в дверь звонит, Валь... Мама, наверное, пришла. Извини.

– У нее что, ключа нет? – резонно усомнился Валентин.

– Валь... Я не знаю... Ладно, пока. Я потом тебе перезвоню.

И, бросив трубку, вздохнула с невероятным облегчением.

«Да что это со мной?! – мысленно удивлялась Снегирева, разглядывая в зеркале собственное отражение. – Полчаса назад чуть не плакала, гадала, захочет ли Валентин выслушивать мои объяснения, а когда он сам позвонил и извинился, я из себя от раздражения выхожу? Неужели все это из-за Игоря? Но я не должна, я просто не имею права так себя вести. Кто же станет меня уважать, если я сама себя не уважаю? Ну почему сразу „не уважаю“? – тут же вступала в спор с невидимым собеседником девушка. – Просто надо кое-что выяснить. Кое-что очень для меня важное».

В эту минуту Снегирева боялась признаться себе в том, что волнение ее вызвано не тем, что профессор Силецкий не сдержал слова, и не тем даже, что Игорь теперь обо всем знает... Больше всего на Галину подействовала одна фраза из второго письма Игоря. Снегирева гнала от себя эти мысли, пыталась забыть, стереть из памяти, как ластиком с бумаги, эту самую фразу, но она настойчиво и неумолимо звучала, как строчка из какой-нибудь популярной песни, раздающейся со всех перекрестков: «Знаешь, без тебя моя жизнь как-то потеряла смысл...»

И еще эти три слова: Я буду ждать. Это был их с Игорем своеобразный пароль или код. Все адресованные друг другу письма они всегда заканчивали этой короткой, но такой емкой фразой: Я буду ждать.

Так получилось само собой, по какому-то негласному уговору. Наверное, чтобы не писать каких-нибудь избитых, а потому утративших первоначальный смысл фраз. Да, раньше они всегда писали в конце своих посланий эти три слова,

обязательно выделяя их курсивом: Я буду ждать.

Но так было раньше. Теперь все изменилось. И возврата к этому «раньше» нет и быть не может. Как не может быть возврата к тем чувствам, которые неизменно вызывали в душе Гали эти три написанные курсивом слова: Я буду ждать.

Конечно, Игорь умышленно закончил оба своих письма этой фразой. Но она справится. Она не из тех, кого можно так легко купить. Она не даст обмануть себя. Она...

4

«Я просто позвоню ему. Может быть, даже и встретаться не стану. Ведь можно и по телефону сказать, что... – Снегирева сбилась с мысли и в растерянности уставилась на свои тонкие, с коротко подстриженными ногтями пальцы. На секунду она позабыла, о чем вообще собиралась разговаривать с Игорем. Помнила лишь, что это было что-то очень и очень важное. – Ну как же! – Девушка сокрушенно покачала головой. – Я должна категорически отказаться от денег, которые Игорь намеревается мне вернуть. Начнем с того, что ему неоткуда взять такую сумму, а если бы даже и было откуда... Нет, совсем не в том дело, способен он вернуть мне эти деньги или нет. А в том, что когда я... В общем, я совсем не рассчитывала, что кто-то когда-то мне их вернет... Нет. – Снегирева сосредоточенно потерла пальцами виски. – Нет, это совсем не телефонный разговор. И потом, я обязательно хочу знать, что заставило профессора нарушить слово. Должна быть причина. Причем очень веская. А если никакой такой причины нет, если профессор ни с того ни с сего после года молчания вдруг взял и проболтался, то я вообще перестану верить людям».

Игорь взял трубку сразу. После первого же гудка. Будто бы он дежурил возле телефона в ожидании ее звонка.

– Здравствуй, – тихо проговорила Снегирева, удивляясь, насколько отстраненно и безжизненно звучит ее голос.

– Ты?! – выдохнул в трубку Игорь.

Наступила пауза. Она так долго длилась, что в какой-то миг Галя даже подумала, что связь прервалась. Во всяком случае, она не собиралась брать инициативу в свои руки, хотя и решилась на этот звонок. А Игорь, похоже, настолько обалдел от счастья, что не мог вымолвить ни слова. Наконец он все-таки произнес:

– Извини... Я просто до сих пор поверить не могу, что слышу твой голос. Скажи что-нибудь еще, пожалуйста...

– Не знаю даже, – растерялась она от такой откровенности. – Кажется, это ты собирался мне что-то рассказать.

– Галя! Галочка! – радовался, как дитя, Игорь. – Неужели это правда ты?!

– Я, – подтвердила Снегирева. Наконец-то ей удалось справиться с волнением, и теперь она ощущала себя полновластной хозяйкой ситуации. – Может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? Учти, у меня не так много времени.

– Да, да, конечно, – спохватился Игорь. – Мне так много нужно тебе рассказать!.. Вернее, не рассказать даже, а расспросить... Нет, опять не то... – Похоже, Игорь и в самом деле очень сильно волновался, а Снегирева не собиралась облегчать его участь наводящими вопросами. – Галь, – резко выдохнул в трубку Игорь, – скажи, мы можем встретиться? Я не знаю, как говорить по телефону о таких вещах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vorobey_vera-i-marina/ya-budu-zhdad

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)